

УДК 792.071:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8
К21

Семья Николая Петровича Караченцова и редакция издательства «Бомбора» выражают огромную благодарность *Максиму Фёдорову* за помощь в составлении издания.

Фотографии предоставлены из семейного архива семьи *Караченцовых*

Караченцов, Андрей Николаевич.

К21 Николай Караченцов. Глазами семьи и друзей / Андрей Караченцов. — Москва : Эксмо, 2024. — 240 с. : ил. — (Кино в лицах. Биографии звезд российского кино и театра).

ISBN 978-5-04-207131-7

Эта книга — трогательный и искренний портрет великого артиста Николая Петровича Караченцова, созданный на основе воспоминаний его семьи и друзей. Сын Андрей делится личными моментами из жизни с отцом, рассказывая о том, как Николай вдохновлял его и поддерживал в трудные времена.

Воспоминания коллег — Аллы Суриковой, Максима Дунаевского, Елены Суржиковой, Максима Федорова и многих других — дополняют картину, раскрывая яркие эпизоды совместной работы и дружбы. Каждый из них делится уникальными историями, которые подчеркивают не только талант Караченцова, но и его человечность, доброту и умение дарить радость окружающим.

УДК 792.071:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

© Николай Караченцов, текст, 2024
© Андрей Караченцов, текст, 2024
© Людмила Поргина, текст, 2024
© Ирина Караченцова, текст, 2024
© Владимир Быстряков, текст, 2024
© Максим Дунаевский, текст, 2024
© Дмитрий Данин, текст, 2024
© Елена Суржикова, текст, 2024
© Максим Федоров, текст, 2024
© Ирина Грибулина, текст, 2024
© Алла Сурикова, текст, 2024
© Андрей Соколов, текст, 2024
© Анна Большова, текст, 2024
© Сергей Мигицко, текст, 2024
© Станислав Житарев, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-207131-7

Оглавление

Предисловие.	9
----------------------	---

Николай Караченцов

Мама и балет.	15
Папа.	18
Моя жена.	19
Сын	28
Марк Захаров и театр Ленком	37
«Юнона и Авось»	52
«...Soggy».	58
Тарковский и «Гамлет»	62
«Шут Балакирев»	66
О том, почему песня становится родной.	69
«Леди Гамильтон»	73
Кино и театр	75
О коллегах по кинематографу.	79
Об актерской профессии	89
Школа искусств Красноармейска.	95
Теннис – это все!.	99

Подарок Президента	106
Случай с Мариной	107

Андрей Караченцов

Как наша семья встречала Новый год и проводила лето	108
«Двойной» Новый год	110
Фактор цикличности как во всемирной истории, так и в жизни каждого человека	114
Папина дружба	116
Память и связь разных поколений	116

Ирина Караченцова

Знакомство с Андреем и Николаем Петровичем	119
Николай Петрович в быту	126

Людмила Поргина

«Каскадёрство» моего мужа	127
Люди, которые сжигают себя на работе	128
Венчание и начало новой жизни	130

Владимир Быстряков

Караченцов. Знакомство	132
Дорога к Пушкину. Начало	135
Как Коля Караченцов «пульнул» сто тысяч с балкона	141

Становитесь! Пятьдесят гривен, как говорится, не деньги.....	144
Караченцов и весеннее половодье	146
Халява небесная	147
Как мы с Колей Караченцовым с Австралией прощались	149

Максим Дунаевский

«Моя маленькая леди»	154
----------------------------	-----

Дмитрий Данин

Как музыканты добивались от Караченцова чистого вокала. . . .	157
---	-----

Елена Суржикова

Песня «Я не солгу!» и французский мюзикл	163
--	-----

Максим Фёдоров

Николай Караченцов: «Я здесь...»	167
--	-----

Ирина Грибулина

«Ссора»	170
---------------	-----

Алла Сурикова

Билли Петрович Кинг	172
О том, как «корнета» произвели в «поручики»	174

Андрей Соколов

- Знакомство с Караченцовым.
Случай на съёмочной площадке..... 178

Анна Большова

- «Заслонивши тебя от простуды...» 182

Сергей Мигицко

- Петрович щедро дарил себя людям..... 186

Станислав Житарев

- Коля был добрым и открытым человеком 190

- Любимые анекдоты Николая Караченцова
и его друга Николая Астапова 195

Предисловие

27 октября 2024 года моему папе исполнилось бы 80 лет. К этой юбилейной дате мне пришла в голову идея, помимо всего прочего, издать книгу в память о моём прекрасном отце, которая раскрывала бы его характер, особенности личности, рассказывала о его талантах и, может быть, объясняла его уникальность, харизму. Папа имел очень широкий круг друзей, знакомых, он работал в театре, в кино, на эстраде, и в этом триединстве заключалась особенность его таланта. Поэтому я посчитал важным и нужным как издать книгу с историями самого Николая Петровича о его друзьях, работе, так и собрать и опубликовать в этой же книге истории членов семьи, папиных друзей, коллег о нём самом, чтобы через призму этих историй попытаться максимально полно раскрыть папину личность, показать, каким он был и в профессиональной, и в семейной жизни. Ядро книги составляют собственные рассказы папы, которые он, как чувствовал, за год до аварии успел наговорить своему другу, журналисту Виталику Мелик-Карамову, после чего вышла в свет

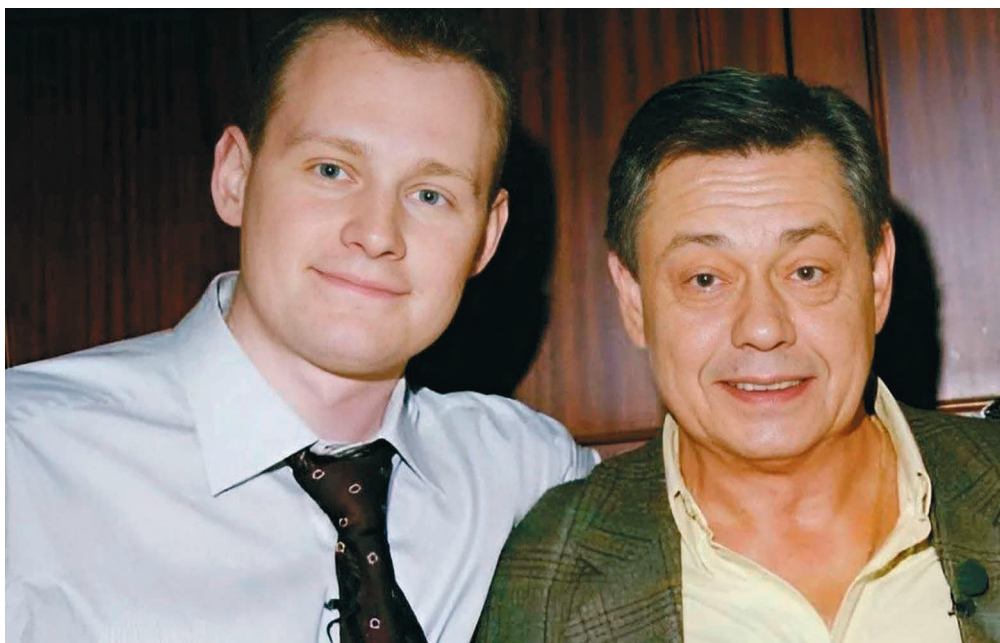
Николай Караченцов с сыном Андреем

книга под названием «Авось!». Позднее на её основе, дополненные мамой, появились книги «Корабль плывёт» и «Я не ушёл...». Для нас папины истории представляют особую ценность, имеют историческое значение. С этих историй, которые намеренно были немного систематизированы и адаптированы под формат книги, и начинается повествование. Далее следуют истории, воспоминания членов семьи, потом друзей, коллег. А так как мой папа был большим любителем анекдотов, постоянно веселил людей, то в завершение мы приправили книгу любимыми анекдотами папы и его друга, художественного руководителя Школы искусств Караченцова (ШИК) Николая Астапова, а также разместили интересные, смешные и редкие фотографии папы с его афоризмами. С годами я стал понимать, насколько мой папа был одарённым от Бога человеком: он смог проявить свой актёрский талант не только на театральной сцене, но и в кино, и даже на эстраде, срывая, можно сказать, такие же восторженные аплодисменты, как это делал Иосиф Давыдович Кобзон. Таких актёров называют универсальными, и их действительно единицы. Помимо этого, папа как в театре, так и в кино мог предстать перед зрителем в разных амплуа. Именно поэтому Марк Анатольевич Захаров говорил, что в его понимании мой папа является синтетическим актёром. И этот серьёзный, уважаемый человек, доверяя его таланту, был готов даже пропрыгать зайцем под папину балалайку на капустниках, во время официальных поздравлений коллег из других театров. Папа перевоплощался в широком диапазоне ролей, от комедийного

Прорвёмся, сдюжим,
победим!

актёра до трагедийного, от героя-любовника до опустившегося, всё потерявшего в жизни человека. И вот именно такого человека я увидел рядом с Александром Калягиным в спектакле «Чешское фото». В нём не было ни капли моего папы. На самом деле, на протяжении половины действия я не мог поверить своим глазам, что передо мною мой отец. Да он был ещё хорошо загримирован, одет не как обычно в жизни, в каком-то потёртом, с дырками, плаще, передо мной предстал совершенно другой человек, нежели я привык видеть и дома, и на сцене в других ролях, допустим, героем — графом Резановым, или в разных фильмах, когда он играл бандитов или героев-любовников. Когда Николай Петрович заходил в свой родной театр Ленком, в котором он в итоге проработал более 50 лет, имея лишь одну запись в трудовой книжке, и который благодаря Караченцову так и называется — именно он предложил трансформировать название Московский государственный театр имени Ленинского Комсомола в Ленком, он нёс с собою волну позитивной энергии, общаясь на ходу со всеми: и с охраной, и с администратором на вахте, и с уборщицей, и с актёрами, музыкантами, режиссёрами. Он всегда пытался всем поднять настроение, развеселить. Как говорится, вступал в контакт наравне со всеми,

Андрей и Николай Караченцовы

Николай Караченцов и Александр Калягин в спектакле «Чешское фото»

Николай Караченцов с сыном Андреем

независимо от того, кто какую должность занимал, будь то кассир, гардеробщик, уборщица, директор или художественный руководитель театра, либо же первые лица нашей страны, которые приходили в театр. И, надо сказать, наверное, именно благодаря такому подходу к жизни он был частью народа, он любил народ, а народ любил его. Поэтому иногда во время застолья дома, поднимая рюмку за себя, он шутя произносил: «А давайте теперь выпьем за национальное достояние!»

Он часто просил меня встретить его на Ленинградском вокзале, потому как он регулярно мотался в Санкт-Петербург и обратно, а будучи человеком творческим и, может быть, где-то даже ребёнком, он никогда не задумывался о том, что, может быть, пора уже ему завести водителя и как-то сделать жизнь более комфортной за счёт того, что на него лично работал бы какой-то персонал. Когда мы встречались на перроне Ленинградского вокзала, то люди, узнавая папу, обступали его и просили дать автограф. И следует отметить, что он никогда никому не отказывал в этом. Хоть папа и торопился, как всегда, но он мог простоять и полчаса на перроне, раздавая всем автографы, чтобы никого не забыть, не обидеть, всем предоставить эту возможность живого общения и создать хорошее настроение. При этом с совершенно незнакомыми людьми, с простым народом он мог заговорить на совершенно разные темы, мог их повеселить либо анекдотом, либо какой-либо интересной историей. Он этого не чурался.

Кто-то мог бы его обвинить в том, что он «шут», «клоун», что ему только бы посмешить людей! И только потом я начал понимать, что он так устроен, что он по-другому просто не может жить. И весь парадокс в том, что именно в этом и заключалась его натура. Он так общался с людьми, как я говорил выше, будь то в театре или где-то на улице, на перроне того же Ленинградского вокзала, и за ним распространялась волна смеха, веселья, позитивного настроения. Только потом я начал осознавать, что это, в свою очередь, тоже подпитывало его энергией, давало ему возможность максимально прочувствовать реакцию людей на то, что он рассказывает, прочитать, понять людей и усвоить для себя, в какой форме, как следует преподносить ту или иную историю. И, судя по всему, во многом благодаря этому ему удавалось совершенствовать свой талант, свои способности в актёрском мастерстве.

Куда бы он ни уезжал, он всегда из разных мест привозил свежие анекдоты и рассказывал их нам, членам семьи, своим друзьям, да и всем, кто попадался ему на пути. Он был на самом деле кладёзь анекдотов. Я думаю, что он знал не менее 2000 анекдотов и постоянно пополнял свою коллекцию новыми. Поэтому когда мы приходили в Цирк на Цветном бульваре и лично сам Юрий Никулин нас встречал, то он подходил к моему папе и говорил: «Коля,

ну ты же всё это уже видел, все наши номера, представления, пойдём ко мне, махнём коньячку!» Они шли в кабинет к Юрию Никулину и начинали наперебой рассказывать друг другу анекдоты. Очередь ни на ком не заканчивалась, в ход шли всё новые и новые анекдоты. Я тогда был ещё детсадовского возраста и после первого отделения бежал к ним и наблюдал за этой картиной. И сейчас я понимаю, что в анекдотах папа мог в какой-то степени составить конкуренцию даже самому Юрию Никулину. Я в своей жизни, пожалуй, ещё один или два раза встречал людей, которые знали так много анекдотов и которые могли так интересно и правильно их преподнести, обладая таким же необыкновенно тонким чувством юмора. Поэтому мы и решили поместить в эту книгу анекдоты, которые папа любил всем рассказывать. Тем самым, мне кажется, я смог бы выполнить задачу, которую перед собою поставил, а именно чтобы с помощью этой книги наши читатели, друзья, знакомые, папины коллеги, поклонники смогли вспомнить папу с улыбкой на лице и окунуться в тот праздник, листая эту книгу. Ведь, как говорится, человек жив, пока его помнят. Я бы ещё добавил: душа человека жива, пока его помнят и о нём молятся. Я очень благодарен тем людям, которые носят в своих сердцах память о моём отце. С папой всегда было интересно и весело!

Андрей Караченцов

Николай Караченцов

актёр театра и кино, народный артист РСФСР

Мама и балет

Мамочка моя была балетмейстером. Когда я находился в юном и глупом возрасте, как поётся в одной из моих песен «Мой поезд ещё не ушёл» композитора Рустама Неврединова на стихи Симона Осиашвили, «туман мне глаза застилал». «Туман» этот назывался балетным искусством. Ничего другого я не знал и знать не хотел. Меня маленького мама таскала за собой на занятия в ГИТИС. Я смотрел с детских лет на упражнения у балетного станка, я изучил все балетные движения, я пересмотрел по нескольку раз все балеты в Большом театре. Я был болен танцем до безумия. Я видел себя только на сцене Большого театра. И считал, что танцовщик — это самое лучшее, чем должен заниматься мужчина.

Конечно, знал, что балетные люди должны быть растянуты и выворотны. И сам себя растягивал. Что, например, означает — выворотные? Читал я запойно, и вот, скажем, уткнулся я в толстый журнал, ложусь на спину, пятки подтягиваю под попку, а колени прижимаю к полу грудой книг, чтобы ноги выворачивало.

Ничего другого, кроме балета, я в своей жизни не представлял. Но мама меня в него не пустила.

Аргумент один: если бы была девочка — пожалуйста, а мальчик — ни за что. Сегодня я ей очень благодарен за это решение, век балетный короток — до сорока, редко-редко до пятидесяти лет. При этом не дай бог что-то с ногой. Тогда вообще кому я сдался. Общее образование крайне низкого уровня, потому что все силы в училище направлены в течение девяти лет только в одно место — ноги.

У меня много балетных друзей самого разного масштаба. Я по-прежнему преклоняюсь перед этим видом искусства и перед его главными представителями — классическими танцовщиками. И тем не менее предположим: вот не приняли меня в Большой театр? Или так: я в него поступил, но не стал солистом? Значит, при советской

Артист прибыл!

власти жить от одной заграничной поездки с кордебалетом до другой? Иного варианта нет. В сорок лет на пенсию, через год меня забывают, я даже в этот театр войти со служебного входа не смогу. А если у меня, предположим, нет балетмейстерского дара? Нет педагогических способностей? Предположим ещё, что все хорошие места забиты. Другого варианта, кроме как ездить в Болшево или в Подлипки и там вести балетный кружок, нет. Всё это моя мама очень хорошо понимала. К тому же она наблюдала много сломанных несчастных мужских судеб в балете. Вот отчего она была так категорична.

Где-то в пятнадцать-шестнадцать лет у меня тягу к балету совершенно отбило, хотя я и занимался в народном театре при Дворце культуры завода «Серп и молот». Там балет преподавали довольно серьёзно, давали ежедневно станок, но я ходил туда уже не из преданности делу, а больше за компанию с мальчиками из моего класса.

В принципе, если думать о профессии танцовщика, полагалось поступать в хореографическое училище, когда исполняется девять лет, но этот момент мы с мамой благополучно проскочили, а дальше интерес к танцам стал угасать, и я уже жил и рос как нормальный московский мальчик с Чистых прудов. Мама много ездила, редко меня воспитывала, чаще этим занималась улица.

Маму я любил патологически. Отношения наши были не просто «мать и сын», а ещё скреплялись настоящей дружбой. Я даже далеко не в детском возрасте ощущал себя не то что маминым сыночком, а просто одним-единственным.

Несмотря на то что я зачастую оставался без контроля родителей, я не совершал плохих поступков, поскольку понимал, что, если мама узнает о моём недостойном поведении, я умру от стыда, не смогу этого пережить, слишком высок был для меня её авторитет.

Жизнь мамина так сложилась, что она из положенных двадцати пяти лет стажа пятнадцать провела за границей. Назвать её творческую судьбу счастливой или несчастливой не берусь. Она возвращалась в свой дом в Москву, она стажировалась в Большом театре у Александра Михайловича Мессерера, её имя професси-

оналы знали. Но, возможно, она, выражаясь профессионально, пропустила темп. Перед ней сразу после ГИТИСа стоял выбор: или рискнуть и отправиться завоёвывать себе имя в периферийных театрах, или сразу возглавить театр, но в стране, далёкой от балета. Она удачно поставила дипломный спектакль «Шурале» не где-нибудь, а в самой Казани, после чего ей предложили не только стать главным балетмейстером, но и возглавить театр в Улан-Баторе. Она выбрала Улан-Батор. Дальше за этим решением следовало: невероятная ответственность, плюс советская власть, плюс она женщина, плюс она представляет искусство великого государства, а балет — предмет нашей традиционной гордости. Но зато абсолютная власть и возможность полного самостоятельного творчества. Она поставила в Улан-Баторе самые разные спектакли, составила репертуар театра на долгие годы.

Потом мама провела много лет во Вьетнаме. Оттуда она мне привезла обезьянку. У меня в детстве и кличка была — Обезьяний брат. Мама отработала во Вьетнаме положенные пять лет, то есть максимальный срок, определённый советской властью для командированного за рубеж специалиста. Вернулась. Год прожила в Москве. Вьетнамцы стали просить, чтобы маму опять к ним прислали, объясняя, что она должна довести до выпуска единственный курс молодого балетного училища. Поскольку во Вьетнаме вообще не было балета, она сама ездила по сёлам, отбирала для учёбы мальчишек и девочек. Её детище — первый национальный ансамбль танца Вьетнама. Однажды в СССР проходил фестиваль вьетнамского искусства или ещё что-то в этом роде — в общем, большая делегация из Вьетнама приехала в Москву. Я страшно гордился, когда толпа молодых артистов со слезами и с криками «мама» кинулась к моей маме.

С одной стороны, мама пережила взлёт собственного творчества, но с другой, как я уже говорил, она потеряла темп — её не знала публика на родине. Потом она работала в Сирии, продолжала ездить в южные страны, но работала и в Лондоне.

Я рос, хорошо зная: даже если мамы нет, надо убирать дом. Но как себя заставить? Я брал пепельницу и вываливал её на пол, понимая, что приду вечером и мне будет стыдно на эту грязь смотреть. Так я себя заставлял, чтобы в квартире все было вылизано. Молодой парень живёт один: когда хочу, тогда приду, когда хочу, тогда встану... Когда хочу встану — не получалось, я обязан был по утрам ездить в школу-студию МХАТ. Но тем не менее я существовал совершенно без всякого контроля. И всё же прилично учился.

Когда мама первый раз отправилась во Вьетнам, там не было нашей школы, и я попал в московский интернат, где мы с моим будущим другом Володей Зеленовым (у него родители тоже служили за рубежом, правда, были дипломатами), оказывается, жили в одной комнате, но с разницей в два года, зато учились у одного педагога.

Когда мы это выяснили, причём в Нью-Йорке, то оказались просто в шоке.

Папа

Тут трудная история. Папа с мамой разошлись ещё до моего рождения, но мы с отцом много общались.

Родители как-то очень интеллигентно развелись. Без выяснений отношений. Папа к нам приходил, мама легко меня отпускала к нему. Я прекрасно знал свою бабушку, папину маму, знал всех папиных сестёр. Папа был единственным мальчиком у родителей, остальные все девчонки. Всего четыре сестры: Оля, Надя, Нина, Мария. Когда мама уезжала, я нередко прибегал к отцу в мастерскую на Фрунзенскую набережную, чтобы перекусить. Он с удовольствием меня кормил.

Профессия отца, а он был художником, меня почему-то совсем не привлекала. Хотя мне нравилось рисовать, и художественный зуд в моей руке жил довольно долго. Где мои детские рисунки, я не знаю. Мама их сохраняла, но после её смерти я не заходил в её дом. Люда, моя жена, все мамины вещи сложила в чемоданы, может, и рисунки там лежат? Там же, наверное, половина моего «архива», который берегла мама, — это записи лекций, программы первых спектаклей, но рисунков, наверное, больше, нежели записей. Я даже ходил в изобразительный кружок. В девять лет я написал картину «Старик и море». Естественно, про золотую рыбку, никакого отношения мой сюжет к роману Хемингуэя не имел. Моя работа попала на какую-то союзную выставку. Но когда мне исполнилось десять, рисовать перестал. И больше никогда не притрагивался к краскам.

А в мечтах я себя у мольберта не видел никогда.

Не имею представления, откуда взялась фамилия Караченцов, каковы корни её и происхождение? Знаю, что первое упоминание Караченцовых идёт с 1634 года, его нашли в записях донских казаков. Оттуда же герб этого рода. Девиз на гербе: «Бог мне надежда». По идее, если мы из казаков, то тогда все Караченцовы — мои родственники. Если искать в фамилии тюркские корни, то «кара» во всех восточных языках — «чёрный», «чёнь» в некоторых из них — «орёл». Может быть, мы из татар, и татарские набеги сделали своё дело и вложили в нашу фамилию свои корни?

Я себя успокаиваю другим: возможно, кто-нибудь из скomoroxов прыгал на карачках или карячился, и тогда я точно продолжаю фамильное дело. Хотя Караченцовы в той родословной, что мне показали, прежде всего вояки.

Раз с папой росли четыре сестры, следовательно, я должен иметь немалое число двоюродных братьев и сестёр. У одной из сестёр — Нины — был единственный сын. У другой сестры — Ольги — два